

**ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

**НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ
ВОСТОКЕ
В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

ас-сурур» как исторический источник. Баку, 1963, с. 83 и сл. (на азерб. яз.); Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье, с. 18 и сл.

²⁰ А. М. Хазанов. Некоторые проблемы экологии номадизма.— Карта, схема и число в этнической географии. Сборник докладов Московского филиала Географического общества СССР. М., 1975, с. 49.

²¹ Ср. описание очевидцем наиболее значительного из них — восстания в Байлакане на рубеже XI—XII в.: Мас'уд ибн Н'амд'ар. Сборник рассказов, писем и стихов. Факсимиле текста, предисл. и указ. В. М. Бейлиса. М., 1970, с. 20—34.

²² Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье, с. 18—19. Ср.: С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии XI—XIII вв. Аш., 1969, с. 220, 222.

²³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 20, с. 188.

²⁴ А. П. Новосельцев. Генезис феодальных отношений в странах Ближнего и Среднего Востока (Постановка проблемы и пути ее решения).— Конференция «Типология развитого феодализма в странах Востока». Тезисы докладов и сообщений. М., 1975, с. 23.

²⁵ См., например, проблемные работы: Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964; Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке. М., 1966; Ю. В. Качановский. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Н. И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. Изд. 2-е. М., 1972; В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1975.

²⁶ Н. И. Конрад. Запад и Восток, с. 77—102 и др.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

О ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ РАЗВИТИЯ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В IX—XVI ВВ. (на примере южного Таджикистана)

Общие представления об основных тенденциях и периодизации развития товарно-денежных отношений — времени максимального их развития и периодах наибольшего спада — для всей Средней Азии уже есть, но эти представления — лишь равнодействующая многих и необязательно равнозначных локальных процессов. Внутри общих явлений можно предполагать локальные варианты как в существе, так и в темпах развития. Поэтому одна из главных задач — конкретно-историческое изучение состояния и развития товарно-денежных отношений в отдельных исторически сложившихся областях и более крупных регионах Средней Азии, внутриобластная (внутрирегиональная) периодизация на основании местных, «внутриобластных» источников (каковыми в первую очередь являются нумизматические, археологические, актовые, для отдельных отрезков времени — другие письменные, для конца XIX — начала XX в. — этнографические) и сравнительная оценка уровня развития товарно-денежных отношений в разных областях и регионах. Первые три вопроса программы «Бартольдских чтений» 1976 г.¹ как раз и призваны привлечь внимание исследователей и мобилизовать источники для решения именно этой задачи.

Объектом нашего исследования является территория (в дальнейшем — «регион») южного Таджикистана, включающая исторически сложившиеся и связанные между собой области Кабадийан, Вахш, Хутталян, Вашгирд, Шуман, Ахарун (Хисарский удел с XV в.). Для сравнительной оценки уровня развития товарно-денежных отношений в этом регионе привлечен центральный Мавераннахр (Бухара — Самарканд). Основной источник — монеты VIII—XVI вв., находки которых в Таджикистане автор регистрировал в течение 1953—1972 гг.

Для региональной периодизации и сравнительной оценки развития товарно-денежных отношений на основании нумизматических данных необходим комплексный анализ трех компонентов: местного чекана, топографии монетных находок, их состава (особенно кладов). Важный четвертый компонент — количество зарегистрированных монет и особенно кладов, однако при обязательном учете причин выпадения последних из обра-

щения. Для южного Таджикистана количество как источник еще не может быть использовано для всех периодов в силу сравнительно небольшого числа зарегистрированных нами (до 1972 г.) кладов (31) и имеет значение лишь для одного периода (XV — начало XVI в.), к которому относится 19, т. е. две трети дошедших кладов.

Местные монетные дворы. До недавнего времени были известны только Хутталян (Саманиды, серебро первой трети X в.; Тимуриды, серебро 821/1418 г.) и Хисар (Тимуриды, Шайбаниды, XV—XVI вв.)². Новые находки кладов и отдельных монет, особенно на территории южного Таджикистана, расширили и углубили представление о чекане Хутталяна и Хисара (новые даты в чекане названных династий; неизвестный ранее чекан других династий) и открыли существование еще нескольких монетных дворов³. Сейчас мы располагаем следующими данными о местных монетных дворах и их чекане: *Вахш* (Сельджукиды, серебро третьей четверти XI в.; золото разных династий конца XII — начала XIII в.; Тимуриды, надчеканы конца XV в. на медных монетах); *Кабადийан*, *Наванд*, *Наубазар* (Тимуриды, надчеканы конца XV в. на медных монетах); *Хисар* (XV—XVII вв., Тимуриды, Шайбаниды, Джаниды: серебро и медь, надчеканы на серебре и меди); *Хутталян* (Саманиды, серебро первой трети X в.; серебро второй четверти и середины XI в., в том числе — Газневидов; Тимуриды, серебро XV в.; Тимуриды и Шайбаниды XV—XVI вв.: медные монеты и надчеканы на них).

Топография монетных находок и их состав. Изучен 31 клад (1—VII — начало VIII в.; 9—XI — начало XIII в.; 1—XIV в.; 19 — конец XIV — начало XVI в.; 1—XVII в.)⁴ и многочисленные отдельные находки монет VII—XVII вв.⁵ Историко-географическое распределение домонгольских кладов: *область Вахш* — клад медных анепиграфных монет последней четверти VII — первой четверти VIII в., два клада серебряных монет трех четвертей XI в. (включающие местный чекан Вахша и Хутталяна), клад золотых монет конца XII — начала XIII в. (включающий местный чекан Вахша), клад медных фельсов (или медных посеребренных дирхемов?) начала XIII в.; *область Хутталян* — два клада серебряных монет первых трех четвертей XI в. (один включает местный чекан Хутталяна); *области Шуман и частично Чаганиан* — два клада медных посеребренных дирхемов начала XIII в. (чекан Чаганиана и Термеза), клад серебряных караханидских монет XI в. (в основном монеты Саганиана). Отдельные находки домонгольских монет VII — начала XIII в. зарегистрированы во всех областях, даже на Восточном Памире. На всей территории южного Таджикистана чаще всего встречаются монеты XV — начала XVI в.: отдельные находки не только повсеместны, но и чрезвычайно многочисленны, число зарегистрированных кладов

в два раза превышает суммарное число кладов всех других столетий в пределах VII—XVII вв. В составе кладов и среди отдельных находок медных монет конца XV — начала XVI в. большое место занимает продукция местных монетных дворов.

В рамках поставленной задачи нет надобности (да и возможности) рассматривать все столетия. Ограничимся тремя периодами (IX—X вв., XI — начало XIII в., XV — начало XVI в.), позволяющими довольно четко выявить специфику в темпах и существе развития товарно-денежных отношений на территории южного Таджикистана.

Период IX—X вв. Прямые свидетельства письменных источников о городах и областях южного Таджикистана и состоянии их археологического изучения совершенно недостаточны для абсолютной оценки общего уровня развития здесь товарно-денежных отношений в IX—X вв., а тем более — степени развития мелкотоварного производства и розничной торговли отвлеченно. Известно, что существовала внешняя торговля (вывозились знаменитые породистые лошади и некоторые лекарственные растения из Хутталя, марена из Кабадийана⁶), но для характеристики внутригородской и межобластной торговли региона в рассматриваемый период данных фактически нет, если не считать такого важного косвенного свидетельства, как перечень значительного числа городов разных размеров⁷. Нумизматический источник для абсолютных оценок также почти ничего не дает, зато открывает возможность сравнительной характеристики уровня развития денежной торговли. Достоверно известен местный (Хутталя) чекан серебряных дирхемов первой трети X в., но клад и даже отдельные находки таких дирхемов на территории южного Таджикистана не зарегистрированы. Местный чекан золотых и медных монет IX—X вв. неизвестен. Все это, однако, не дает права сделать вывод о неразвитости в регионе денежной торговли, так как отсутствие монетного источника не является абсолютным самостоятельным аргументом: дальнейшая регистрация монетных находок может заполнить эту лауну. Но предполагаемые находки монет IX—X вв. уже не сотрут той принципиальной разницы, которая ясно выступает при сравнении состава и монетной массы двух регионов: южного Таджикистана и центрального Мавераннахра.

Для центрального Мавераннахра в IX—X вв. известен следующий местный чекан: высокопробные золотые монеты; высокопробные серебряные общегосударственные дирхемы (именуемые с конца IX в. дирхемами исма'или); «бухархударские» дирхемы трех видов (мусаййаби — субэратные высокопробные, более 70% серебра; мухаммади — субэратные низкопробные, более 40% серебра; гитрифи — медные посеребренные); медные фельсы двух достоинств (именуемые «'адли» и «пашиз»)⁸.

Основным средством обращения во внутригородской, а частично и межобластной торговле центрального Мавераннахра

были именно медные фельсы (Ибн Хаукаль: «а между собой торгуют на фельсы»; топография находок фельсов); регулярность их выпуска (монетные даты) и объем монетной продукции (частота находок отдельных монет и все пополняемое их общее количество) свидетельствуют о значительном развитии мелкотоварного производства и розничной торговли. Если в дальнейшем выяснится, что в южном Таджикистане все же чеканили свои медные фельсы, разница между центральным Мавераннахром и южным Таджикистаном по признаку регулярности и количества их выпуска уже никогда не сотрется. А это значит, что уровень мелкотоварного производства и розничной торговли в южном Таджикистане был намного ниже, чем в центральном Мавераннахре. Таков первый признак вариантности развития товарно-денежных отношений в двух регионах.

Основным средством обращения в сфере более крупной торговли в центральном Мавераннахре были местные «бухархудатские» дирхемы мусаййаби, мухаммади и гитрифи. Частично эту функцию выполняли и разных династий общегосударственные высокопробные серебряные дирхемы (местного и неместного происхождения), которым, однако, более присуща была функция мировых денег, особенно в X в.⁹ (когда отлив восточного серебра в Европу заметно усилился, а ведущей группой вкладах Европы стали саманидские монеты¹⁰). В южном Таджикистане «бухархудатские» дирхемы не выпускались, следовательно, денежную торговлю в сфере серебра целиком должны были обеспечить общегосударственные серебряные монеты того времени. Для относительной оценки количества и функций этих серебряных дирхемов в южном Таджикистане существенны следующие данные:

1) Местный чекан серебра пока известен только для первой трети X в.; если он был на других отрезках времени в пределах IX—X вв., то можно предполагать его меньшую интенсивность.

2) Местный чекан даже первой трети X в. не был регулярным (монетные даты), отличаясь этим от регулярного выпуска дирхемов исма'или в центральном Мавераннахре того же времени.

3) Сравнение количества дошедших серебряных общегосударственных дирхемов центрального Мавераннахра и южного Таджикистана показывает такую огромную разницу, которую можно объяснить не случайностями обнаружения, а лишь закономерностями монетного чекана.

4) Местные южнотаджикистанские серебряные монеты в конечном счете были вовлечены в общий поток среднеазиатского серебра, уплывавшего в Европу, о чем свидетельствуют дирхемы Хутталя в составе кладов, найденных в Европе¹¹.

Возможно, серебряным общегосударственным дирхемам на территории южного Таджикистана функция средства обраще-

ния была присуща больше, чем соответствующим дирхемам в центральном Мавераннахре (из-за отсутствия «бухархудатских» монет; другие «заменители» тоже неизвестны). Возможно, здесь они обращались интенсивнее, продолжительнее, функция мировых денег была им присуща меньше и какая-то их часть не вышла за пределы региона (хотя находки на месте пока не зарегистрированы). Но все равно, разница монетной массы (состав и количество) в сфере серебряного обращения двух сравниваемых регионов была настолько огромной, что вывод о принципиально различном объеме денежной торговли в «сфере серебра» не вызывает сомнения¹². Это второй признак вариантности развития товарно-денежных отношений в двух регионах.

Итак, сравнительный материал, не давая оснований для прочных абсолютных оценок, вместе с тем ясно показывает, что развитие товарно-денежных отношений в центральном Мавераннахре и южном Таджикистане протекало разными темпами на всех уровнях, области южного Таджикистана весьма значительно отставали, что ярко отразилось на организации и состоянии чекана и обращения монет.

Период XI — начала XIII в. Теперь уже не вызывает сомнения, что общий признак этого периода — интенсивное развитие товарно-денежных отношений. Но конкретные варианты этого развития в разных регионах еще предстоит исследовать. Археолого-нумизматические материалы недостаточны для детализированного представления о состоянии и развитии товарно-денежных отношений в XI — начале XIII в. на территории южного Таджикистана, но сравнительные оценки и выявление некоторых вариантных особенностей этого процесса в изучаемом регионе возможны.

Археологическое изучение средневековых городов южного Таджикистана и вещевого материала XI—XII вв. могло бы стать ценным источником для исследования некоторых аспектов проблемы, но опубликованные материалы совершенно недостаточны для этого. Планово, в течение многих лет изучается лишь один город — Хульбук (столица области Хуттал). Важнейший и обильный вещевой материал, полученный при раскопках на территории поселка Кокташ, вовсе не опубликован, между тем он может дать ценную информацию о ремеслах XI—XII вв. Одно несомненно: раскопки в Хульбуке и на территории поселка Кокташ, археологические разведки многочисленных средневековых городищ (в том числе точно соотношенных с городами письменных источников) дали бесспорный вещевой материал XI—XII вв. и доказательства существования в это время во многих пунктах местного производства керамики, стекла, металлических изделий и пр. Очень существенно, что керамика именно XI—XII вв. проникла в глухие и достаточно изолированные горные уголки вроде Дашти-Джума (долина р. Оби-

минью, правого притока р. Пяндж), что говорит о возросшем объеме ее производства (возможно, и о подешевлении в результате роста производительности труда), и о процессе развития межобластной торговли. Привлекают внимание находки в южном Таджикистане неглазурованной расписной керамики, изготовленной то на гончарном круге, то без него. Делали ли ее в сельской местности для города, либо в городе для села или сельских жителей, перебравшихся в город, — в любом случае значительный объем производства посуды такого вида в XI—XII вв. свидетельствует о процессах, связанных с развитием товарно-денежных отношений и, возможно, о росте городского населения за счет сельского.

Можно предполагать, что имел место и территориальный рост по крайней мере некоторых городов. Для Хульбука (городище Хишт-тепе в кишлаке Курбан-Шаид) это установлено точно: раскопки на окраинах этого города показали, что он интенсивно расширялся именно в XI—XII вв. Там, где в X в. были мусорные свалки и поливные культурные насаждения, в XI—XII вв. появились жилые дома¹³. О. Г. Большаков констатировал, но не объяснил странное на первый взгляд противоречие: согласно сведениям средневековых географов, г. Хелаверд был больше г. Хульбука; согласно оценкам археологов, г. Хелаверд (городище Лагман в кишлаке Узун; 42,5 га), наоборот, меньше г. Хульбука (городище Хишт-тепе; не менее 70 га)¹⁴. Размер Хелаверда «законсервирован» городскими стенами, город же Хульбук расширялся в XI—XII вв. именно территориально, 70 га — это максимальный размер Хульбука не в X в., а в XI—XII вв. Следовательно, никакого противоречия нет: если сведения географов точны и г. Хелаверд в X в. был больше Хульбука — это еще одно доказательство значительного территориального роста последнего в XI—XII вв.¹⁵

Общий признак монетного чекана и денежного обращения периода — серебряный монетный кризис. В рамках разных государственных образований серебряный монетный кризис обретал разные формы как результат сложного переплетения объективных причин и монетной политики государства. Южный Таджикистан то целиком, то частями входил в состав нескольких государств, что необходимо учитывать при рассмотрении местного чекана и денежного обращения как источника для характеристики товарно-денежных отношений в целом. Нами зарегистрированы девять кладов и отдельные монетные находки, относящиеся к этому периоду. К первым трем четвертям XI в. относятся пять кладов и отдельные находки серебряных монет. Четыре клада, найденные в областях Вахш и Хутталян, состоят из серебряных монет Газневидов и Сельджукидов. Часть чекана на двух местных монетных дворах — «Вахш» и «Хутталян». На этих монетах имена газневидских и сельджукидских государей, иногда также и местных (в качестве вассалов) или только

одних местных правителей. Но вне зависимости от собственных имен на местных монетах они по облику, весу, размерам и пробе находятся в рамках газневидского и сельджукидского чеканов. Химический анализ газневидских монет первой половины XI в. (в том числе и выпущенных в Хутталяне) показал, что в них еще более 70% серебра, но добавка меди также уже значительна (20—27%)¹⁶. Уже одно это показывает, что функция мировых денег им не могла быть присуща в той степени, как серебряным монетам предшествующего столетия. Не упуская политический аспект местного чекана (демонстрация принадлежности или, наоборот, независимости), уверенно можно заключить, что местные и пришлые монеты из сплава серебра с медью на протяжении первых трех четвертей XI в. были основным средством обращения в сфере крупной и «средней» торговли в областях Хутталян и Вахш.

В области Шуман найден был клад с монетами Саганиана первой половины XI в. Клад мы не видели, но монеты Саганиана этого времени изучали¹⁷. Не рассматривая здесь политическую историю Саганиана в свете нумизматических данных, отметим лишь следующие важные в данной связи факты. На саганианских монетах второй четверти XI в. имен газневидских эмиров нет. Всем своим обликом, размерами, пробой саганианские монеты не похожи на газневидские. Особенно важна проба: серебра в них всего 20—30%, а в 40-х годах XI в. становится еще меньше. Область Шуман в то время, очевидно, входила в состав Саганиана, поэтому именно саганианские очень низкопробные серебряные дирхемы были там основным средством обращения¹⁸.

Следовательно, торговля на территории южного Таджикистана в сфере серебряного обращения была обеспечена разными дирхемами: совершенно низкопробными (20—30% серебра и меньше) преимущественно в северной части региона и еще достаточно хорошими (более 70% серебра) преимущественно в его южной части. Сравнение этих монет и их основных функций с высокопробными местными серебряными дирхемами X в. позволяет увидеть процесс несомненного развития внутрорегиональной торговли, хотя и не открывает пока возможностей для оценки интенсивности этого развития. По-прежнему совершенно неясен вопрос о мелкотоварном производстве и соответствующей мелкой розничной торговле.

Вторая компактная группа монет и кладов относится к концу периода¹⁹. Золотые монеты для характеристики товарно-денежных отношений в Средней Азии — источник наименее значимый, что мы отмечали (см. прим. 12). Но в период серебряного монетного кризиса заметна тенденция превращения золотых монет в реальное средство обращения. Для этого использовались не только целые монеты, но и обломки. Легальное снижение пробы золотых монет отражало стремление развить их

функцию средства обращения. Золото, естественно, обслуживало «верхушечную» сферу торговли, принималось по-прежнему на вес, развитие его функций в разных государствах протекало различно. В данной связи важно, что золотые монеты при оценке развития товарно-денежных отношений в период серебряного монетного кризиса учитывать следует. Поэтому существенно, что для конца этого периода известен чекан золотых монет в Вахше, а также находки пришлых золотых монет. В данном случае политический аспект монетного чекана отвечал экономической потребности, что особенно заметно по монетам с именем хорезмшаха Мухаммада б. Текеша: если бы чекан золота²⁰ не был обусловлен и экономическими причинами, сам факт присоединения территории был бы достаточно «продемонстрирован» выпуском тех монет из других металлов, которые в то время были безусловно основным средством обращения.

Основным средством обращения на территории южного Таджикистана в начале XIII в. были медные посеребренные дирхемы с именем Мухаммада б. Текеша (зарегистрированные монеты выпущены в Чаганиане и Термезе, но можно предполагать, что был и местный чекан). Обильная для короткого отрезка времени эмиссия медных посеребренных дирхемов (да еще двух достоинств), быстрое проникновение монет Термеза и Чаганиана на территорию южного Таджикистана (даты — 615/1218—19 и 616/1219—20 гг.) и причины выпадения этих знаков стоимости в клады (не перенасыщение и «инфляция», а монгольское нашествие) позволяют заключить, что товарное производство и торговля в изучаемом регионе требовали значительного количества средств обращения. Пока неясно, заполнили ли медные посеребренные дирхемы Мухаммада б. Текеша в южном Таджикистане «монетную лакуну» (что сомнительно) или пополнили (заменяли?) имевшийся перед этим монетный фонд.

Существенно отметить, что при Мухаммаде б. Текеше состав монет в южном Таджикистане и центральном Мавераннахре стал близким (золотые динары, медные посеребренные дирхемы) или совсем одинаковым (если подтвердится предположение о медных фельсах в южном Таджикистане). Из этого не следует, что одинаковым был и общий уровень товарно-денежных отношений в двух сравниваемых регионах, но зато можно предполагать, что огромная разница, характерная для IX—X вв., к началу XIII в. несколько уменьшилась. Не исключено, что отмеченный выше территориальный рост Хульбука именно в XI—XII вв. объясняется общими более замедленными темпами развития товарно-денежных отношений за предшествующее время. С XI в. развитие ускорилось, сильное отставание было частично ликвидировано, но в целом южный Таджикистан не вышел и за этот период на уровень центрального Мавераннахра.

Период XV — первая четверть XVI в. Для Средней Азии этого периода характерно неуклонное развитие товарно-денежных отношений. Специфика — увеличение объема производства товаров широкого потребления и мелкой розничной торговли, все большего вовлечения в товарно-денежные отношения рядовых горожан и части сельского населения. Сопоставление равнозначных нумизматических данных позволяет выявить некоторые локальные особенности этих процессов в разных регионах, в частности и конкретно-исторический вариант развития товарно-денежных отношений на территории южного Таджикистана (которая в XV—XVI вв. составляла ядро большого удела с главным городом Хисар). Представляется возможным выделить четыре признака, образующих этот конкретно-исторический вариант, и сопоставить его, во-первых, с центральным Мавераннахром, а во-вторых, с предшествующими периодами внутререгионального развития.

Признак 1. Южный Таджикистан отличается от центрального Мавераннахра темпами и существом поэтапного развития чекана и обращения медных монет, отражающих местный вариант в темпах и существе развития товарно-денежных отношений на этом уровне. Некоторое отставание в первой четверти XV в. затем компенсируется более ускоренным развитием.

Признак 2. Южный Таджикистан догоняет центральный Мавераннахр по уровню и степени развитости мелкотоварного производства, внутререгиональной и межрегиональной денежной торговли товарами и продуктами широкого потребления, по степени вовлечения городского и сельского населения в товарно-денежные отношения именно на этом уровне. Время максимального развития этого признака в двух регионах в конечном счете совпадает: вторая половина (особенно последняя четверть) XV — первая четверть XVI в.

Признак 3. Южный Таджикистан в первой четверти XVI в. отличается от центрального Мавераннахра лучшей организацией денежного хозяйства, избавившей регион от кризисных потрясений, что способствовало стабильности и сохранению достигнутого уровня товарно-денежных отношений.

Признак 4. Южный Таджикистан отстает от центрального Мавераннахра по общему, суммарному объему денежной торговли, но это отставание — не «фронтальное» (как в предшествующие периоды), оно определено в первую очередь и более всего торговлей в сфере обращения серебра. Это дает основание предположить, что отставал объем местного производства более дорогих товаров и объем внешней для региона торговли (вывоз и привоз) товарами такого же рода.

Рассмотрим нумизматические основания четырех признаков. Собственно, четвертый признак обоснован первыми тремя, а также общей политико-экономической ситуацией. Южный Таджикистан в разной степени, но всегда отставал от центрального

Мавераннахр по общему объему товарного производства и суммарному объему всех видов торговли (см. выше периоды IX—X и XI — начало XIII в.). Ситуация не могла измениться принципиально и в рассматриваемый период из-за того особого политического (это тоже существенно для оценки значения объема торговли дорогими товарами) и экономического положения, которое центральный Мавераннахр занимал в Средней Азии XV—XVI вв. и в государствах Тимуридов и Шайбанидов. Специфика же отставания в рассматриваемый период (за счет главным образом сферы серебряного обращения) — естественный вывод, поскольку мелкотоварное производство и торговля в сфере обращения меди в этот период интенсивно развивались. Но все же небесполезно рассмотреть хотя бы некоторые свидетельства и самих серебряных монет.

Для оценки значения региональных различий в чекане и обращении серебряных монет существенно, что в XV—XVI вв. они были высокопробными, чекан их был децентрализованным и свободным (открытым). Казна (на разных этапах — общегосударственная или удельная) была заинтересована в интенсификации чекана серебра по одному тому уже, что это приносило доходы. Частные лица за изготовление монет из своего металла платили, такой расход оправдывала в первую очередь экономическая необходимость, нужда в звонкой монете из серебра. Следовательно, интересы казны и частных лиц при свободном чекане совпадали, особенно в условиях интенсивной торговли. А это значит, что количество серебряных монет, выпущенных в разных регионах, может рассматриваться как один из надежных источников для суждения о сравнительном (но, конечно, не абсолютном) объеме торговли в сфере обращения серебра. Однако мы никогда не узнаем точного количества серебряных монет, отчеканенных в разных регионах, не только из-за случайности их находок, но в не меньшей степени из-за того, что монеты шли «в передел» (их перечеканивали, они обретали форму эстетического сокровища и т. д.). Сравнение же одних только дошедших монет дает право для заключения лишь в крайних параметрах, т. е. при условии либо большой количественной разницы, либо большого количественного сходства. И даже в этих случаях полезно для оценки сравнительной интенсивности чекана искать дополнительные косвенные свидетельства.

Для изучаемого периода три показателя — сравнительное количество дошедших серебряных монет XV—XVI вв., количество дат на монетах, а для XVI в. еще и число монетных типов — демонстрируют такую разницу между центральным Мавераннахром и южным Таджикистаном, которую нельзя «списать» за счет случайности. Обратимся к конкретным данным, причем для XVI в. могут быть названы и абсолютные цифры, так как мы составили довольно, очевидно, полную картотеку серебряных

монет этого столетия по материалам публикаций, музейных и частных коллекций и классифицировали монеты по типам. Нам известны всего три серебряные шайбанидские монеты Хисара XVI в.²¹, монет же Бухары — Самарканда — многие сотни! Сравнение остальных показателей на этом фоне носит уже формальный характер, все же упомянем и их. На монетах Хисара нет дат, а если бы и были, то не больше трех. Точных дат на монетах Бухары нами зафиксировано 56, на монетах Самарканда — 41. Если учесть, что на большинстве монет даты стерты или обрезаны, на некоторых вовсе не проставлялись, вывод о регулярной и систематической работе монетных дворов Бухары и Самарканда не будет вызывать сомнений. К этому следует добавить, что разные типы серебряных монет XVI в., как правило, разновременны: часть типов — без дат, их, безусловно, выпускали и в те годы, которые не представлены пока датированными монетами. Следовательно, местный чекан серебра на протяжении XVI в. в двух сравниваемых регионах с точки зрения и регулярности, и интенсивности — это буквально два полюса. Новые монетные находки могут уменьшить или увеличить эту разницу, но они уже не сотрут ее.

Небесполезно привести и такое частное сравнение. Две из трех монет Хисара чеканены от имени шайбанидского государя Кучкунчи-хана (1510—1531), т. е. на том отрезке времени, который является частью изучаемого периода. Двум этим монетам Хисара противостоят 65 монет Бухары и Самарканда²².

Точные цифры для XV в. мы назвать не можем. Но сводка данных у Э. Цамбаура о серебряных монетах Бухары — Самарканда и Хисара, просмотренные каталоги и другие публикации убеждают в том, что и в XV в. между двумя сравниваемыми регионами была столь же принципиальная разница как по количеству дошедших монет (интенсивность чекана), так и по числу монетных дат (регулярность)²³.

Ясно, что масса серебряных монет в южном Таджикистане не исчерпывалась в XV—XVI вв. местным чеканом. Найденные здесь три клада серебряных монет Тимура и Тимуридов включают монеты самых различных городов и областей²⁴. Масса серебряных монет и в центральном Мавераннахре не исчерпывалась местным чеканом. Высокопробные серебряные монеты, естественно, легко пересекали региональные границы. Но это признак *общего*, и мы упоминаем о нем лишь для того, чтобы не создалось впечатление, будто в южном Таджикистане было вообще так же мало монет, как относительно мало их здесь чеканили.

Анализ межрегионального движения серебра с *количественной* стороны (на основе топографии, числа, размеров кладов с учетом причин их отложения, а также соотношения общих и частных причин, определявших состав кладов и место в их составе монет местного чекана) является вторым надежным

источником для сравнительной оценки объема торговли в двух регионах. Но размеры статьи не позволяют рассмотреть этот очень емкий вопрос специально. Можно лишь сформулировать тезис: как прилив серебра извне в центральный Мавераннахр был значительнее, чем в южный Таджикистан, так и оставшаяся внутри каждого региона часть его собственного чекана в южном Таджикистане была меньше, чем в центральном Мавераннахре. Но вне зависимости от межрегионального движения серебра и его влияния на общие размеры монетной массы в каждом из двух регионов выявленная количественная разница по материалам местного чекана, двухвековая устойчивость этой разницы по признакам и регулярности (даты) и интенсивности (сравнительное количество экземпляров) местного чекана серебра — все это дает полное основание считать столь же различным объем торговли двух регионов в сфере серебряного обращения. Совпадение выводов, полученных двумя столь разными путями (интенсивности развития торговли в сфере обращения медных монет; сравнения количественных показателей внутри регионального чекана серебряных монет), — достаточно убедительное доказательство *четвертого признака* о специфике в XV—XVI вв. отставания общего объема торговли в южном Таджикистане главным образом за счет торговли в сфере обращения именно серебряных монет.

Первый, второй и третий признаки вариантности развития товарно-денежных отношений в южном Таджикистане удалось выявить на основе изучения медных монет. Медные монеты, как оказалось, являются основным источником периодизации и сравнительной характеристики мелкотоварного производства, торговли товарами и продуктами массового потребления: именно они были на этом уровне основным средством обращения во внутригородской, внутриобластной и внутрирегиональной торговле, а также принимали участие в межрегиональной торговле²⁵.

Изучение местного, южнотаджикистанского чекана медных монет, состава 16 кладов (с учетом времени и причин их выпадения из обращения) и прочих монет, найденных в регионе, позволили монетное дело и денежное обращение здесь за XV — первую четверть XVI в. разбить на семь этапов. Нет необходимости подробно характеризовать каждый этап (это опубликовано²⁶), достаточно отметить общие тенденции развития, приведшие к стиранию разницы между южным Таджикистаном и центральным Мавераннахром по уровню развития товарного производства и торговли в сфере обращения медных монет.

На протяжении первых трех этапов уже появляется продукция местных монетных дворов (Хисар, Хутгалай), выпускавших и надчеканивавших медные монеты, но удельный их вес в общей массе медных монет очень невелик. Основу денежной торговли в сфере обращения медных монет составляют монеты неме-

стные. В это же самое время в центральном Мавераннахре наблюдалась противоположная картина: местную торговлю на аналогичном уровне обеспечивает местный же чекан. Вместе с тем сам приток и утилизация в южном Таджикистане большого количества неместных монет в условиях нормализованного и избавленного от серьезных кризисов их общегосударственного обращения свидетельствуют о возрастающем объеме как внутрирегиональной, так и межрегиональной торговли южного Таджикистана. Приток монет заметно увеличился после денежной реформы Улугбека (второй этап для южного Таджикистана), монетная масса соответствовала сумме товарных цен, состав кладов и время выпадения их из обращения свидетельствуют о том, что перенасыщения и инфляционных явлений на рынках южного Таджикистана на втором этапе не было²⁷, следовательно, объем торговли в сфере обращения медных монет на втором этапе неуклонно возрастал. В начале третьего этапа монетный двор Хисара участвует в общегосударственном мероприятии — надчеканивании пореформенных монет Улугбека, что дополнительно свидетельствует о большом их количестве в регионе. На третьем этапе пореформенные монеты Улугбека и с надчеканками, и без них продолжают обращаться (очевидно, по разным курсам), следовательно, общая масса медных монет в регионе не уменьшается; не сокращается и межрегиональная циркуляция медных монет (судя по разногородным надчеканам на монетах в составе южнотаджикистанских кладов). Дальнейшее развитие идет по пути интенсификации местных выпусков медных монет и надчеканивания на местных монетных дворах, так что разница между двумя регионами в этом отношении постепенно стирается. В монетном деле и денежном обращении южного Таджикистана появляется тот же комплекс показателей максимального развития мелкотоварного производства и соответствующей денежной торговли, что и в центральном Мавераннахре.

Невольно возникает следующий вопрос. Развитие этой сферы товарно-денежных отношений в двух регионах началось с разных уровней, но за XV в. достигло сходных результатов. Следовательно, были как общие для обоих регионов причины и факторы такого развития, так и более частные, которые стимулировали ускорение процессов в южном Таджикистане. Вопрос требует специального исследования, это вне задач настоящей статьи. Но две рабочие гипотезы относительно тех причин, которые ускоряли развитие товарно-денежных отношений именно в южном Таджикистане, могут быть предложены для последующего анализа: 1) товарная взаимозависимость внутри сельского хозяйства в силу его многотипности; 2) хорошо налаженное общегосударственное обращение медных монет и интенсивная в этой сфере денежная торговля с центральным Мавераннахром.

1. Б. Х. Кармышева (см. ее статью в этом же сборнике) внимательно изучила по этнографическим данным сложное переплетение и взаимодействие трех факторов, определивших специфику сельского хозяйства в южном Таджикистане и Узбекистане: чересполосное сосуществование оседлого, полукочевого и кочевого населения; разнообразие ландшафтных зон; этнические традиции. Специфика выразилась в таких формах специализации, которые исключали замкнутое хозяйствование, самообеспечение всеми необходимыми продуктами. Б. Х. Кармышева выделила шесть типов сельского хозяйства с вариантами в каждом и детально проследила прочную взаимозависимость в виде развитого и стабильного обмена продуктами сельского хозяйства и сельского ремесла между разнотипными хозяйствами. Обмен этот осуществлялся через рынок или непосредственно.

Поскольку те же три фактора сосуществовали и взаимодействовали раньше, в том числе и в XV—XVI вв., — экстраполяция представляется обоснованной. Это значит, что кроме ремесла и торговли в городе, кроме обмена между городом и деревней (общие для двух регионов резервы развития) в южном Таджикистане был огромный местный резерв развития товарно-денежных отношений — устойчивая товарная взаимозависимость внутри сельского хозяйства²⁸. В конце XIX в., по этнографическим данным, обмен между разными типами сельского хозяйства в большей степени был натуральным, в меньшей — денежным. Возможно, в XV в. доля денежной торговли в таком обмене была значительнее и все возрастала, т. е. включение именно этого местного резерва определило ускоренное по темпам и значительное по объему развитие товарно-денежных отношений в южном Таджикистане. Без подобного резерва трудно объяснить, за счет чего южный Таджикистан смог догнать центральный Мавераннахр²⁹.

2. Южный Таджикистан связывали с центральным Мавераннахром (особенно с Бухарой) взаимные торговые интересы, так что межрегиональная торговля была значительной. Развитие товарно-денежных отношений в обоих регионах было внутренним процессом, но более развитая денежная торговля центрального Мавераннахра в силу межрегиональных связей не могла не повлиять на развитие денежной торговли и в южном Таджикистане. Существенную роль должна была сыграть денежная реформа Улугбека. Оптимально налаженное, избавленное от перемен общегосударственное обращение одинаковых серийных медных монет могло основательно повлиять на развитие товарно-денежных отношений в целом, а тем более — стимулировать превращение уже существующего и весьма объемного натурального обмена внутри сельского хозяйства региона в денежную торговлю.

Рассмотрим еще один, третий из четырех вариантных признаков развития товарно-денежных отношений в южном Таджи-

кистане. Его определила самостоятельная фискальная политика правительства двух регионов за время их политической разобщенности. Последнее десятилетие XV в. и в центральном Мавераннахре и в южном Таджикистане ознаменовалось усиленной эксплуатацией монетной регалии: способы извлечения все новых и новых доходов от чекана и обращения медных монет несколько различались в двух регионах, но привели к сходным результатам — кризису денежного обращения. В 907/1501—02 г. в обоих регионах были приняты меры для ликвидации местных кризисов. В центральном Мавераннахре (только что завоеванном Мухаммадом Шайбани-ханом) меры эти не были последовательными и не обеспечили серьезного и долговременного улучшения ситуации. В южном Таджикистане чекан и обращение медных монет, наоборот, реформированы были кардинально, с учетом и объективных условий, и психологии населения. Реформа поэтому имела полный и долговременный успех. Нет надобности подробно рассматривать ее содержание и пореформенное обращение (это опубликовано³⁰). В качестве примера, позволяющего подчеркнуть вариантность, рассмотрим лишь один вопрос — об основном номинале в медном чекане.

До упомянутых реорганизаций 907/1501—02 г. основным номиналом во всем государстве среднеазиатских Тимуридов в сфере обращения меди была монета, называвшаяся динаром. Кроме основного номинала выпускались его кратные, но в неизмеримо меньших количествах. Фискальная политика в двух регионах дискредитировала медный динар, подорвала к нему доверие, динар переживал инфляцию, «медные» цены на все или часть продуктов и товаров выросли. В обоих регионах взамен дискредитированных динаров населению дали новые монеты: в центральном Мавераннахре — снова одинарные динары, а вот в южном Таджикистане — двойные динары. С 907/1501—02 г. именно двойные динары (на которых для убедительности даже обозначили их достоинство, причем на таджикско-персидском языке, понятном населению) стали основным номиналом в сфере обращения медных монет во всем Хисарском уезде, одинарные же динары превратились в кратные основного номинала и чеканить их стали в неизмеримо меньшем количестве. Так как весу медных монет население придавало большое значение (серьезные изменения веса медных монет иногда нарушали нормальное обращение), средний вес пореформенных двойных динаров был в два раза выше среднего веса одинарных динаров, что также имело большое психологическое значение. Так одним актом — превращением двойного динара в основной номинал — учтены были и объективные перемены (устойчивое повышение уровня «медных» цен), и психология населения (переставшего доверять переменам, основанным на возвращении одинарного динара). Последующее развитие подтвердило пра-

вильность сделанного выбора: десятилетием позже в основе обращения медных монет по-прежнему оставался двойной динар, а некоторые перемены (типовые и весовые) не повлияли на нормальное, бескризисное его обращение.

В центральном Мавераннахре сложилась иная ситуация. Там основным номиналом остался одинарный динар. Это, конечно, не было единственной причиной кризисов, но играло существенную отрицательную роль и мешало их ликвидации. Последнее видно и из содержания денежной реформы Кучкунчи-хана (главы династии и удельного владельца Самарканда), проведенной с трудом и завершённой к 1525 г.: согласно этой реформе, в основу обращения меди положена монета, вес которой был значительно выше веса одинарных динаров³¹. Иначе говоря, в центральном Мавераннахре с запозданием на четверть века исправили ту ошибку, которую в южном Таджикистане своевременно не совершили.

¹ Бартольдские чтения. 1976. Год третий. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976, с. 3.

² По сводке Э. Цамбаура; см.: E. Z a m b a u r. Die Münzprägungen des Islam. Wiesbaden, 1968, с. 105 (часть данных пропущена), 110. Хисар 957 г. х. (с. 105) — ошибка, это медный двойной динар 907 г. х.

³ Е. А. Давидович. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979 (см. Указатель монетных дворов в кладах).

⁴ 30 кладов описаны нами; см. там же (клады № 20, 32—35, 48—51, 56, 58—63, 65—77, 80). Клад с монетами Саганиана XI в. найден был в 1931 г. в поселке Кокташ и поступил в Музей истории АН УзССР. Определил клад (по сообщению С. Х. Ишанханова) Турды Миргиязов следующим образом: по одной монете Самарканда (Саманиды), Бухары (Караханиды), Андараба (эмиры Андараба); 56 дирхемов Саганиана (Караханиды), на которых есть дата — 425/1033—34 г. Этот клад кратко опубликован, см.: М. Н. Федоров. Нумизматические данные к истории Саганиана первой половины XI в. — История материальной культуры Узбекистана. Вып. 8. Таш., 1969, с. 195. М. Н. Федоров на определение Т. Миргиязова не сослался, так же как и на нашу рукопись (с подробным описанием другого клада), широко им использованную в этой же статье.

⁵ Отдельные находки монет, зарегистрированные в 1953—1957 и 1970 гг., были опубликованы Е. А. Давидович: Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. — «Доклады АН ТаджССР». Вып. 11, 1954; Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. — «Археологические работы в Таджикистане [далее — АРТ] в 1954 году». Труды АН ТаджССР. Т. 37, 1956; Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1955 г. — «АРТ в 1955 году». Труды АН ТаджССР. Т. 63, 1956; Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г. — «АРТ в 1956 году». Труды АН ТаджССР. Т. 91, 1959; Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. — «АРТ в 1957 году». Труды АН ТаджССР. Т. 103, 1959; Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г. — «АРТ, в X (1970 год)». М., 1973.

⁶ А. М. Беленицкий. Исторический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. — «Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции». Т. 1 [«Материалы и исследования по археологии СССР», № 15]. М. — Л., 1950, с. 121, 123.

⁷ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 180—182.

⁸ Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. — «Нумизматика и эпиграфика». VI. М., 1966, с. 103—134. О субэритности «бухархудатских» монет см.: Е. А. Давидович. Клады..., с. 107—114 (клад № 23).

⁹ Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре..., с. 110—125.

¹⁰ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 119, 122.

¹¹ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. — «Труды Восточного отделения Императорского археологического общества». Ч. 1. СПб., 1855, с. 41, 122; А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (саманидских и куфических). СПб., 1910, с. 5, 7, 46, 71, 73, 104; и др.

¹² Золото здесь не рассматривается. В южном Таджикистане местный чекан золотых динаров и находки золота IX—X вв. неизвестны, но это и не имеет значения для характеристики объема торговли. Дело в том, что даже в центральном Мавераннахре, где местный чекан золота был, находки известны, золотые динары существенного значения во внутрисубэритивной торговле не имели и даже не рассматривались как деньги (подробнее см.: Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре, с. 104—110).

¹³ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хутталяского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. — «Доклады АН ТаджССР». Вып. 11. 1954, с. 39 и сл.

¹⁴ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, с. 181 (табл. 6), 182.

¹⁵ Хелаверд в 42,5 га (так у О. Г. Большакова) или в 40,5 га (по сообщению В. С. Соловьева) означал бы, что Хульбук за XI—XII вв. вырос раза в полтора. Однако такой вывод был бы преувеличением, так как размер Хелаверда представляется несколько заниженным (городище Лагман с одной стороны размыто р. Вахш).

¹⁶ Е. А. Давидович. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. — «Нумизматика и эпиграфика». II. М., 1960, с. 104.

¹⁷ Е. А. Давидович. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник. — Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1968. М., 1970, с. 73 и сл.

¹⁸ Там же, с. 95—97.

¹⁹ Отсутствие на 1976 г. нумизматических данных для сравнительной оценки экономической жизни городов и областей с последней четверти XI до начала XIII в. само по себе не дает права сделать поспешный вывод о «натурализации» обмена на этом огромном отрезке времени и даже считать это время самостоятельным этапом внутри периода. Привлечение археологического материала для отдельной характеристики XII в. пока также невозможно. Состояние археологического изучения южного Таджикистана еще не позволяет выделить массовый вещевой материал XII в. Вопрос заслуживает рассмотрения, но пока в силу состояния местных источников остается открытым.

²⁰ Важно также, что золотые динары Вахша с именем Мухаммада б. Текеша не стоят изолированно. В областях, прилегающих к южному Таджикистану, также выпускались золотые монеты с его именем (например, в Термезе и Кундузе). См.: Е. А. Давидович. Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммада хорезмшаха (1200—1220). — «Советская археология». 1968, № 1, с. 281—282; A. D. H. Bivar. A Mongol Invasion Hoard from Eastern Afghanistan. — Near Eastern Numismatics, Iconography and History. Studies in Honor of George C. Miles. American University of Beirut, 1974, с. 377—378.

²¹ Одна монета хранится в Государственном историческом музее (Москва), инв. № 939691; вторая — в Британском музее (см.: St. Lane-Poole. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. Vol. 7. L., 1882, № 140). Третья монета упомянута в аукционном каталоге (см.: Collection White King. Amsterdam, Juin 1905, № 2679).

²² Е. А. Давидович. Денежная реформа Кучкунчи-хана (XVI в.). —

«Нумизматика и эпиграфика», X, М., 1972, с. 180—183 (Каталог серебряных тенег Кучкунчи-хана). Известен единственный пока надчекан с наименованием города или области — «Хисар», произведенный на мешхедской серебряной монете Кучкунчи-хана и фиксирующий какое-то фискальное мероприятие (см.: А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896, с. 687. № 16).

²³ Любопытно, что Бухара и Самарканд — два главных монетных двора центрального Мавераннахра — на протяжении двух столетий работали не одинаково. Если в XVI в. при Шайбанидах Бухара и Самарканд стояли в одном ряду по регулярности и обилию выпуска серебра, то при Тимуридах регулярным и обильным на протяжении всего XV века был выпуск только Самарканда. Нам представляется, что в данном случае такая разница на протяжении части XV в. — результат политики правительства, в которой не последнее место заняли соображения технического удобства и экономической выгоды от некоторой специализации двух близко находившихся монетных дворов. Например, вскоре после начала денежной реформы Улугбека в 832/1428—29 г. чекан медных монет был централизован в Бухаре. Бухарский монетный двор работал чрезвычайно напряженно, чтобы обеспечить одинаковой монетой все государство среднеазиатских Тимуридов. Было рационально монетный двор Бухары специализировать на выпуске меди, чекан же серебра сосредоточить преимущественно в столичном Самарканде. И особых неудобств даже при свободном чекане это не создавало, ибо путь из Бухары в Самарканд недалек, богатый бухарец мог заказать серебряные монеты в Самарканде, так же как это делали богатые жители тех городов центрального Мавераннахра, которые вообще не имели в XV в. постоянных монетных дворов.

²⁴ Клады серебряных шайбанидских монет в регионе не зарегистрированы, но можно не сомневаться, что по составу серебряной монетной массы XVI в. не отличался от XV в. В этом убеждает, в частности, состав обработанного нами, но еще не опубликованного клада, найденного в 1967 г. в Узбекистане в урочище Амбарсай близ г. Денау (историческая область — Чаганиан): в нем монеты Шайбанидов и ранних Джанидов XVI — начала XVII в., чеканенные в Бухаре, Самарканде и Балхе.

²⁵ О сфере обращения медных монет в XV—XVI вв. см.: Е. А. Давидович. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. — «Народы Азии и Африки». 1965, № 6, с. 83—85.

²⁶ Е. А. Давидович. Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории южного Таджикистана в XV в. — Абдурахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество. Душ., 1965, с. 36—50 (этапы 1—5); она же. Денежное хозяйство на территории южного Таджикистана и Узбекистана во втором десятилетии XVI в. (Материалы для характеристики общего и особенного в денежном обращении разных областей Средней Азии). — Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. 1 [Труды Государственного исторического музея. Вып. № 49]. М., 1977, с. 76—81.

²⁷ В южном Таджикистане не было массового выпадения из обращения пореформенных монет Улугбека на втором и даже на третьем этапах (не зарегистрировано ни одного клада этих этапов). Выпадение меди из обращения приняло массовый характер в связи с фискальными мероприятиями местного правительства на четвертом этапе.

²⁸ Местным этот резерв мы называем не в том смысле, что товарная взаимозависимость внутри сельского хозяйства наблюдалась только в южном Таджикистане и Узбекистане. Она существовала, конечно, и в других регионах. Но важна степень этой взаимозависимости, ее место, значение в жизни сельского населения. В южном Таджикистане и Узбекистане это был не второстепенный, не дополнительный компонент, а органическая составная часть сельского хозяйства, ведущий признак его специфики.

²⁹ Рассматривая в 1965 г. вопрос о степени вовлечения в XV—XVI вв. сельского населения в товарно-денежные отношения, мы предположили: в первых, сельское население было захвачено этим процессом не повсеместно, а преимущественно вокруг некоторых крупных торгово-ремесленных центров;

во-вторых, сущность этого процесса для сельского населения заключалась, очевидно, в интенсификации торговли с городом (см.: Е. А. Давидович. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. с. 87—88). Предложенная здесь рабочая гипотеза предполагает интенсификацию денежной торговли на базе уже существующего товарного производства и обмена внутри сельского хозяйства, т. е. еще один путь вовлечения сельского населения в товарно-денежные отношения. Если эта рабочая гипотеза подтвердится, можно будет расширить представление о процессе в целом и наметить его локальные варианты.

³⁰ Е. А. Давидович. Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории южного Таджикистана и Узбекистана во втором десятилетии XVI в., с. 61—68.

³¹ Е. А. Давидович. Денежная реформа Кучкунчи-хана (XVI в.), с. 186—200.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ИМЕЛА ЛИ МЕСТО НАТУРАЛИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII В.?
(к методике использования нумизматических данных как исторического источника)

Вопрос о состоянии и уровне развития товарно-денежных отношений в Средней Азии при Караханидах (конец X — начало XIII в.) привлек особое внимание исследователей разного профиля, которые ныне считают, что ни караханидское завоевание, ни «серебряный монетный кризис» не стали препятствием для экономического развития городов и товарно-денежных отношений в целом. Не вызывает сомнения, что развитие это в разных исторически сложившихся областях имело свои особенности, выявление локальных вариантов — одна из насущных задач. Можно было также предполагать, что развитие на протяжении более чем двух столетий не было однолинейным поступательным процессом, выявление этапов, «внутренняя» периодизация — другая насущная задача. Поэтому попытка Б. Д. Кочнева (1975 г.)¹ более детально проследить состояние товарно-денежных отношений в государстве Караханидов показала очень своевременной и полезной, обращение же с этой целью к нумизматическим данным (сопоставимым и хронологически, и территориально) — очень уместным и логичным. Период с конца X по начало XIII в. он разделил на три этапа²: первый — конец X — середина или третья четверть XI в.³; второй — до середины XII в.; третий — вторая половина XII — начало XIII в. (с. 173—175). Охарактеризовав денежное хозяйство трех этапов и его варианты в двух регионах (один — Семиречье, другой — Мавераннахр и Фергана), Б. Д. Кочнев пришел к следующему ответственному и важному заключению: второй этап — это «серьезный рецидив натурального обмена», переживаемый всем государством Караханидов, хотя и с разной остротой, в двух названных выше регионах. Свидетельством того, что «на втором этапе резко возросла роль натурального обмена» (с. 174), Б. Д. Кочнев считает недостаточное на этом этапе (по сравнению с первым и третьим) количество монет для торговли. Вывод этот базируется на следующей сравнительной оценке второго этапа: 1) сокращение числа монетных дворов (по сравнению с первым этапом) и менее интенсивная их работа (по сравнению с первым и третьим этапами); 2) редкость и не-

большие размеры кладов (по сравнению с первым и третьим этапами); 3) «лакуны и неясности» в хронологии караханидских правителей Мавераннахра и Ферганы конца XI — первой половины XII в. «прежде всего из-за отсутствия монет».

Иначе говоря, основной источник вывода о натурализации обмена — количественный показатель, размер денежной массы: «много» (первый и третий этап) — «мало» (второй этап). Конечно, для более серьезного обоснования столь ответственного вывода полезно было бы привлечь и другие данные нумизматики. Но даже и один этот количественный показатель (если он выведен на основании добротного и методически правильного исследования всей совокупности известных сейчас нумизматических материалов) давал право сделать если не уверенный вывод, то очень убедительное предположение о «спаде» уровня товарно-денежных отношений на втором этапе и привлечь внимание к этому вопросу для его дальнейшей разработки. Поэтому в целом заключение Б. Д. Кочнева о серьезной натурализации обмена на втором этапе выглядит на первый взгляд (т. е. пока правильность методики и добротность предварительной работы для сравнительной оценки денежной массы еще не проверены и просто приняты на веру) очень интересным, убедительным и представляется большим шагом вперед в изучении товарно-денежных отношений в Средней Азии при Караханидах. Не исключено, что историки и археологи Средней Азии будут на этот вывод опираться или, во всяком случае, иметь его в виду при работе над своими источниками.

Правда, внимательного читателя могут насторожить две следующие особенности статьи Б. Д. Кочнева. Во-первых, отсутствие точных данных, т. е. абсолютных и (или) относительных цифр при сравнительном поэтапном рассмотрении основного источника — денежной массы, хотя этот источник — именно количественный. Точные данные заменены самым обобщенным и поверхностным описанием. Во-вторых, абсолютная декларативность ряда весьма ответственных суждений, лишь внешним образом смягченная оговорками типа «видимо», создающими атмосферу осторожного размышления. Об отсутствии точных данных нам придется говорить специально в разрезе методики работы с нумизматическим источником. Что же касается декларативных суждений — приведем лишь два связанных примера. Сначала Б. Д. Кочнев утверждает, что государство Караханидов «перенесло последствия серебряного кризиса, видимо, более тяжело, чем соседние страны» (с. 174). Остается пожалеть, что он не сообщает читателю, на основании каких фактов он пришел к этому выводу и в чем конкретно заключается особая «тяжесть» среднеазиатского варианта «серебряного монетного кризиса». Между тем тезис этот, еще никак не обоснованный, Б. Д. Кочнев тут же использует как опору для объяснения причин натурализации обмена на втором этапе. Но еще больше

сожалений вызывает следующее высказывание: «Не будучи хорошо знакомым с нумизматикой Великих Сельджуков, полагаю все же, что денежное хозяйство там было налажено лучше», чем у Караханидов. В данном случае отсутствие фактов и обоснований не вызывает недоумения, оно снято искренним признанием в их незнании. Зато возникает вопрос: как можно что-то «полагать», «не будучи хорошо знакомым», чего стоят такие умозаключения и имеет ли право ученый публиковать всякие умозаключающие ему в голову соображения до того, как они проверены фактами и исследованием. К сказанному следует добавить, что вся эта сравнительная оценка организации денежного хозяйства в государствах Караханидов и Сельджукидов и положение об особо тяжелом варианте «серебряного монетного кризиса» именно в государстве Караханидов не только голословны, но и неверны.

Однако эти и прочие голословные утверждения и предположения, а также фактические ошибки, неточные и неверные формулировки, «сгущенные» на трех страницах статьи Б. Д. Кочнева, не могут быть здесь рассмотрены из-за недостатка места, да в данной связи в этом и нет необходимости⁴. Заранее следует также оговорить, что позитивную характеристику взамен ошибочных аттестаций Б. Д. Кочнева мы не сможем дать по тем же причинам, нам придется ограничиваться отдельными примерами, причем преимущественно для Мавераннахра и Ферганы.

Вернемся к выводу Б. Д. Кочнева о натурализации обмена на втором этапе, соответствующем то ли трем четвертям, то ли целому столетию в пределах второй половины (или последней четверти) XI — первой половины XII в., и внимательно проследим методическую и фактическую добротность его аргументов в пользу этого вывода.

1. Сокращение числа монетных дворов (по сравнению с первым этапом)

Количество монетных дворов и уровень товарно-денежных отношений — факты не равнозначные и не находящиеся в прямом и пропорциональном отношении друг с другом. Уменьшение числа монетных дворов еще не дает права говорить о сокращении денежной торговли и само по себе никак об этом не свидетельствует. Средневековая Средняя Азия знала и централизованный и децентрализованный чекан при одинаковом уровне товарно-денежных отношений, и подобного рода конкретно среднеазиатские примеры могли бы предостеречь от желания за сокращением числа монетных дворов видеть натурализацию обмена. Приведем лишь один пример. На протяжении XV в. чекан медных монет был сначала децентрализованным, затем Улугбек централизовал его в Бухаре, по прошествии примерно трех десятилетий число монетных дворов вновь стало

увеличиваться. Все столетие было временем интенсивного развития товарно-денежных отношений, сокращение числа монетных дворов и централизация чекана в Бухаре были свидетельством не уменьшения монетной продукции (Бухара прекрасно снабдила всю Среднюю Азию медными монетами, бухарские монеты этого времени — ядро кладов и самая частая находка в любом месте Средней Азии) и не натурализации обмена, а результатом политики Улугбека, создавшей благоприятные предпосылки для развития розничной торговли⁵ и ставшей одной из важных причин того, что эта розничная торговля во второй половине XV в., особенно же в последней четверти этого столетия и в первой четверти XVI в., достигла максимального развития за всю историю средневековой Средней Азии⁶. Из этого и других, даже только среднеазиатских, примеров видно, что число монетных дворов в разное время изменялось в силу совершенно разных причин, выяснение которых каждый раз требует конкретного анализа и не дает прямого и «механического» выхода на характеристику уровня товарно-денежных отношений вообще и обеспеченности торговли монетами в частности.

Нам уже приходилось еще в 1960 г. отмечать факт сокращения при Караханидах числа монетных дворов, и мы уже тогда подчеркивали, что в конкретных условиях XI—XII вв. это не дает основания судить о количестве дирхемов и тем более говорить об уменьшении их выпуска. Рассмотрев это явление в контексте, с учетом металла дирхемов и динамики их порчи в процессе развития «серебряного кризиса», мы пришли к заключению, что сокращение монетных дворов было очень разумным мероприятием, вытекавшим из эмпирического понимания объективных закономерностей обращения всяких низкопробных монет и знаков стоимости с принудительным курсом, выпуск которых не мог быть в количественном отношении произвольным и для нормального обращения (в отличие от монет из валютного металла) не должен был значительно превышать сумму товарных цен при данной скорости оборота⁷. Потребное количество монет определялось, как подчеркивал К. Маркс, опытом⁸. Значительное превышение могло привести к кризису денежного обращения (и привело Фергану к концу XII в.⁹). Лучшее условие контроля и регулирования количества выпускаемых низкопробных монет и знаков стоимости — централизация чекана или небольшое число монетных дворов. Это и было основной причиной их сокращения при Караханидах.

2. Редкость и небольшие размеры кладов (по сравнению с первым и третьим этапом)

При оценке количества кладов как исторического источника Б. Д. Кочневым допущены четыре методические ошибки: не учтен фактор случайности при оценке количественной разни-

цы кладов; не учтено распределение кладовых находок по разным регионам; не учтен металл монет при сравнении количества кладов разных этапов; не учтены причины образования и выпадения кладов из обращения. Рассмотрим конкретное значение этих методических ошибок.

Локальные варианты и фактор случайности при сравнительной оценке количества кладов. Хотя одним из основных источников Б. Д. Кочнев, по его собственному утверждению (с. 173), является регистрация находок монетных кладов, сравнительная их характеристика не содержит никаких конкретных данных о результатах этой регистрации. Такое обращение с основным источником очень удивляет. Б. Д. Кочнев не сообщает ни общего числа зарегистрированных им кладов, ни числа кладов разных этапов, ни их количественного распределения по разным регионам. Нет даже относительных (например, процентных) данных подобного рода. Характеристика чисто описательная: «клады ранне- и позднекараханидских монет встречаются часто и насчитывают сотни и даже тысячи экземпляров (особенно середины XI в.), клады же монет второй половины XI — первой половины XII в. редки и невелики по размерам» (с. 174).

Итак, на первом и третьем этапах кладов «много» и они большие, а на втором «мало» и они маленькие, это все.

Во-первых, из этого описания читатель не узнает, что Б. Д. Кочнев подразумевает под «много» и «мало» (десятки и единицы или сотни и десятки кладов?), т. е. учел ли он фактор случайности и правильно ли оценил «источниковедческое значение» той разницы в количестве кладов, которую описательно определил словами «много» и «мало». Ведь даже при одинаковой причине отложения кладов (непременное условие сравнения, но об этом — ниже) небольшое абсолютное их число и небольшая относительная разница — это еще не источник для серьезных экономических обобщений.

Во-вторых, из этого описания читатель не узнает, как все эти клады разных этапов распределены по регионам, и учел ли Б. Д. Кочнев вероятность и значение неравного их распределения по разным регионам. Между тем суммарное, «общегосударственное» изучение без предварительного регионального механического исключения выявление локальных вариантов и программирует (при их невыявленном существовании) ошибочность сводной характеристики.

Хотелось думать, что Б. Д. Кочнев учел в процессе предварительной работы оба эти фактора — случайность и локальные варианты, ибо не учесть их — значит не понять свой материал и совершить две методические ошибки. Однако проверка показала, что Б. Д. Кочнев эти ошибки совершил. Вот конкретные примеры. В суммарной своей характеристике Б. Д. Кочнев особенно многочисленными считает клады середины XI в. и клады

второй половины XII — начала XIII в. Под первыми Б. Д. Кочнев подразумевает, конечно, клады (выпавшие из обращения в третьей четверти XI в.; «середины XI в.» — не точно) из монет так называемого «неправильного» чекана. Это монеты из сплава меди со свинцом, неправильной формы, толстые, с «рваными» краями, разного веса. Нами зарегистрировано всего 10 таких кладов, и все — за пределами Мавераннахра и Ферганы. Следовательно, количество этих кладов совсем не источник для характеристики состояния и форм обмена в Мавераннахре и Фергане. Другие же клады монет этого и близкого времени, в пределах середины и третьей четверти XI в., зарегистрированные нами в Мавераннахре и Фергане, совсем иного рода (низкопробные серебряные монеты правильного чекана) и вовсе малочисленны. Иначе говоря, утверждение Б. Д. Кочнева о многочисленности и больших размерах кладов «особенно середины XI в.» методически неверно распространено на все три рассматриваемые им региона (Мавераннахр, Фергану и Семиречье), локальное явление (если 10 кладов условно считать за «много») ошибочно объявлено общегосударственным. А из этого следует, что для Мавераннахра и Ферганы противопоставление — искусство и не соответствует фактам.

Аналогичная методическая ошибка допущена при оценке количества кладов третьего этапа. Относительно многочисленны клады третьего этапа — это медные посеребренные дирхемы второй половины XII — начала XIII в. Нам известно значительное число таких кладов в Фергане (в одной лишь таджикостанской части — 6), но в Мавераннахре они пока единичны. Другие клады (низкопробных серебряных монет) третьего этапа на территории Мавераннахра тоже единичны. Единичные клады второго этапа тоже зарегистрированы и в Мавераннахре, и в Фергане. Снова локальное явление (в данном случае — ферганское) было методически необоснованно экстраполировано на Мавераннахр. Ясно, что в данном случае количественное противопоставление кладов третьего и второго этапов, вероятно, имеет определенное значение для Ферганы, но для Мавераннахра пока является методической ошибкой, не учитывающей локальные варианты и фактор случайности при сопоставлении небольшого числа кладов.

В обоих примерах методически неправильное отношение к регистрации кладов как историческому источнику привело к двойному искажению фактического состояния: во-первых, стерты локальные варианты в части количества кладов Мавераннахра и Ферганы; во-вторых, неверна общая характеристика, а следовательно, и выводы, на ней основанные.

Причины выпадения кладов из обращения для оценки значения их количества. Б. Д. Кочнев исходит из упрощенного и неверного представления, будто между количеством кладов и

уровнем товарно-денежных отношений прямая зависимость: «много» кладов — высокий уровень денежной торговли, «мало» кладов — редицив натурального обмена. Если Б. Д. Кочнев сам не понял, что столь абстрагированное от многоликой реальности рассмотрение кладового источника — серьезная методическая ошибка, знакомство даже только со среднеазиатской нумизматической литературой открыло бы ему необычайную сложность связей между количеством кладов и состоянием товарно-денежных отношений. Он обнаружил бы в литературе примеры того, что как обилие, так и отсутствие кладов в зависимости от конкретно-исторических условий могут свидетельствовать о разном и даже диаметрально противоположном. Так, в крайних параметрах именно обилие кладов свидетельствует о натурализации обмена, а их отсутствие или редкость — об активной денежной торговле. Примеры, собственно, не нужны, но все же приведем один. Известно, что в X в. при Саманидах товарно-денежные отношения развивались интенсивно. В центральной части Средней Азии основным средством обращения в розничной торговле были медные фельсы (Ибн Хаукаль: «а между собой торгуют на фельсы»). Чеканили их здесь в большом количестве, регулярно, а зарегистрированные до настоящего времени клады единичны.

Клады, тем более только их количество, не могут быть источником определения и сравнения уровней товарно-денежных отношений в не понимания причин их отложения и выпадения из обращения. Использование клада как исторического источника предполагает большую предварительную работу над его «биографией». В этом смысле между монетным кладом и письменным сочинением нет разницы: оба требуют прежде всего источниковедческого исследования.

«Источниковедческая» часть изучения кладов не проста, так как каждый клад — это клубок, в котором различно переплетаются и взаимодействуют объективные и субъективные факторы: объективные — это закономерности денежного обращения в конкретной хозяйственной и политико-экономической ситуации; субъективные — это фискальная политика правительства и психология владельцев. Для выяснения, в частности, причин выпадения кладов из обращения, причин, определяющих их заметное разное число то на разных отрезках времени, то в разных регионах на одном, даже только для этого необходим конкретно-исторический анализ внешнеполитических факторов, внутренней политико-экономической ситуации, фискальной политики правительства, кризисов денежного обращения, денежных реформ, продолжительности обращения монет и т. д. — и все это с учетом металла монет. Б. Д. Кочнев до крайности облегчил свою задачу, предварительно не рассмотрев клады всех этапов с этих позиций. Приведем лишь два примера с уже упоминавшимися кладами, чтобы показать, как не прост и не прям путь

от количества кладов к определению уровня денежной торговли в Средней Азии.

Клады третьей четверти XI в. из медно-свинцовых монет «неправильной» чеканки относительно многочисленны, но зарегистрированные нами (а их — 10) найдены вне пределов Мавэранныхра и Ферганы. Еще до этого оформились два независимых караханидских каганата: Западный и Восточный. Дирхемы «неправильной» чеканки — это эмиссия Восточного каганата, в состав которого тогда входила и Фергана. Дирхемы чеканены на монетных дворах Ферганы и Семиречья, но количественно заметно преобладал чекан Ферганы. Вопрос: почему эти монеты выпали в клады и почему эти клады оказались преимущественно в Семиречье, хотя можно было бы ожидать, что в Фергане (пропорционально эмиссии) их будет больше? В конце 50-х годов XI в. Фергану завоевал Ибрахим Тафгач-хан, глава Западного каганата со столицей в Самарканде. Он сразу провел положительную для Ферганы денежную реформу: организовал выпуск монет правильного чекана из сплава меди с серебром (по образцу самаркандских) для штучного обращения¹⁰. Это заметно улучшило денежную базу товарно-денежных отношений. Реформа должна была определить судьбу медно-свинцовых дирхемов «неправильной» чеканки: либо они были запрещены, либо их курс был резко снижен. Вот почему масса этих дирхемов, чеканенных именно в Фергане, оказалась в Семиречье: произошел их отлив на территорию Восточнокараханидского каганата, где они еще имели легальное обращение по принудительному курсу. Но прилив в Семиречье значительной денежной массы, сильно превышавшей нужды этого региона, должен был привести к «инфляции» этих дирхемов, падению их покупательной способности, чему правительство уже не могло поставить преграду, даже прекратив дальнейший чекан в самом Семиречье. Вероятно, «инфляция» была затяжной и привела к кризису денежного обращения в обычной для такого рода монет форме: к отказу на них торговать. Вот тут и началось массовое выпадение в клады этих дирхемов. Таким образом, сначала реформа Ибрахима Тафгач-хана в Фергане, затем отлив из Ферганы в Семиречье большой денежной массы, затем неизбежная «инфляция» этих медно-свинцовых монет (по существу, лишь знаков стоимости с принудительным курсом) — вот причина или одна из главных причин образования значительного количества кладов этих дирхемов именно в Семиречье. С аргументом Б. Д. Кочнева произошла метаморфоза: он считал эти клады показателем высокого уровня денежной торговли в конце его первого этапа во всех трех регионах, они же оказались, наоборот, свидетелями снижения уровня денежной торговли и даже, вероятно, некоторой натурализации обмена в одном из трех регионов — в Семиречье.

Другой пример — медные посеребренные дирхемы второй по-

ловины XII — начала XIII в. Обилие этих монет и кладов — локальное явление Ферганы. В данном случае определяющий фактор — в первую очередь фискальная политика ферганских Караханидов. Весьма вероятно, что в Фергане к середине XII в. состояние товарного производства и обмена требовало увеличения средств обращения, но Ибрахим б. Хусайн, начавший здесь регулярный чекан медных посеребренных дирхемов, заметно превысил потребности торговли. Здесь выпадение в клад было многоступенчатым, отражая декретировавшуюся правительством замену одних денежных масс другими, пока это не привело к очень серьезному кризису обращения таких дирхемов — знакомости с принудительным курсом¹¹. Таким образом, клады медных посеребренных дирхемов, зарегистрированные более всего в Фергане, свидетельствуют о неблагоприятии и фискальных злоупотреблениях. За полустолетие несколько раз произведена была полная смена в обращении денежной массы. Механическое суммирование всех кладов и монет, без учета замены одних другими, создает преувеличенно искаженное представление об объеме денежной торговли.

3. Лакуны и неясности в хронологии Караханидов конца XI — первой половины XII в.

Б. Д. Кочнев противопоставляет состояние изученности династической истории Караханидов начала XI в. (для этого отрезка времени выяснена история даже уделов) и конца XI — первой половины XII в. (здесь неясности в хронологии «прежде всего из-за отсутствия монет») как дополнительное свидетельство разного количества монет и соответственно — разного состояния товарно-денежных отношений. Этот аргумент вызывает лишь чувство неловкости. Все неясности в хронологии Караханидов проистекают не из-за отсутствия монет, а из-за особенностей монетных надписей. Это в части глав династии. Что же касается удельных владетелей, то Б. Д. Кочнев в другой связи писал о сокращении числа монетных дворов, а в данном случае почему-то об этом забыл.

Выводы

Итак, рассмотрение всех аргументов, приведенных Б. Д. Кочневым в пользу вывода о натурализации обмена на втором этапе, т. е. на протяжении трех четвертей или даже целого столетия, показало, что вывод этот покоится на методически неверном изучении и оценке нумизматических количественных данных и по одному этому (даже не касаясь фактических ошибок) не может быть признан убедительным.

Но есть еще одна ошибка в исследовании Б. Д. Кочневым

нумизматических данных как источника для характеристики товарно-денежных отношений. Одной этой ошибки было бы достаточно, чтобы признать сделанный им вывод искусственным и необоснованным. Дело в том, что для сравнительной оценки денежных масс трех этапов Б. Д. Кочнев учел не все монеты, чеканенные и обращавшиеся в государстве Караханидов, а лишь часть: монеты с титулами и (или) именами Караханидов и византийские. Совершенно не приняты во внимание дирхемы гитрифи, т. е. так называемые «бухархудатские» монеты из меди (или неценных сплавов), лишь сверху покрытые тонкой пленкой серебра. Они достались Караханидам в наследство от предшествующего времени и для территориально весьма значительной части Средней Азии составили даже более прочную основу денежного обращения XI—XII вв. в «сфере серебра», чем «именные» караханидские дирхемы. Известно, что их принудительный курс несколько колебался, но на высоком уровне¹², бывал выше настоящего серебра и отличался большой прочностью. Мы пока не знаем, когда прекратилось обращение дирхемов гитрифи, но точно знаем, что на втором этапе Б. Д. Кочнева (т. е. до середины XII в.) они явно обращались и курс их был высок (например, в 1128 г. 70 или 80 дирхемов гитрифи равнялись 100 дирхемам чистого серебра). Учет дирхемов гитрифи совершенно меняет представление о сравнительном количестве средств обращения на каждом из трех этапов и об абсолютных размерах денежной массы второго этапа.

Широкий размах за последние десятилетия археологических раскопок, разного рода земляные работы чрезвычайно увеличили фонд средневековых монет, и специалисты все чаще обращаются к нему как историческому источнику для изучения, в частности, экономического развития отдельных городов и областей, периодизации развития товарно-денежных отношений, выявления этапов подъема или значительного спада. Но использование данных нумизматики с этой целью требует большой осторожности, учета и анализа всей накопленной суммы фактов, комплексного и разностороннего сравнительного исследования самых различных сторон монетного чекана и денежного обращения. Упрощенный подход к монетному источнику создает иллюзию легкости широких экономических обобщений и внешней убедительности выводов, которые поэтому начнут переходить из работы в работу. Сочетаясь с вольным и невольным «отбором» фактов, «работающих» на идею, и забвением тех, которые на идею «не работают», рассмотренные выше и любые другие методические ошибки могут привести как к частным просчетам, так и к искажению важных исторических процессов.

Нумизматический материал, которым мы сейчас располагаем, полностью подтверждает уже устоявшееся представление о периоде XI — начале XIII в. как времени развития товарно-денежных отношений и не оставляет сомнений в том, что

существо и темпы этого развития в разных регионах не были одинаковыми. При методически правильном подходе к «количественному аспекту» нумизматического источника нет основания утверждать, что это развитие в разной степени, но во всем государстве Караханидов было прервано то ли столетием, то ли почти столетним рецидивом натурального обмена. Вместе с тем можно уверенно утверждать, что монеты XI — начала XIII в. при разностороннем их изучении являются вполне надежным источником для «внутренней» периодизации этого отрезка времени и для убедительного обоснования качественных критериев разделения периода на этапы на основе учета и комплексного анализа как общих признаков для суммы регионов, так и локальных вариантов в существе и темпах развития товарно-денежных отношений в каждом из них.

¹ Б. Д. Кочнев. К истории денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв.— История материальной культуры Узбекистана. Вып. 12. Таш., 1975, с. 170—175. (В дальнейшей ссылке на страницы этой статьи даны в тексте.)

² Б. Д. Кочнев не совсем удачно назвал их тремя «крупными периодами», слово «период» более подходит и обычно прилагается ко всему этому отрезку времени. Поэтому в дальнейшем при рассмотрении периодизации Б. Д. Кочнева мы вместо «крупных периодов» будем употреблять слово «этап».

³ Хронологический рубеж двух первых этапов не совсем ясен, так как в разных местах статьи обозначен не одинаково. В частности, не ясно «положение» третьей четверти XI в., которая фигурирует то в первом этапе (с. 173), то во втором (с. 174), то неопределенно названа «переломной» (с. 173).

⁴ Характеристика денежного хозяйства и «серебряного монетного кризиса» в государстве Караханидов написаны так, будто до Б. Д. Кочнева этим никто не занимался и никакой литературы вопроса не существует. И дело не столько в отсутствии ссылок на литературу, сколько в неверном и упрощенном освещении явлений и процессов. Внимательное знакомство с литературой уберегло бы Б. Д. Кочнева от ряда ошибок и дало бы ему более ясное понимание материала. Пока его конкретная характеристика — не шаг вперед, а шаг назад в изучении денежного обращения в Средней Азии при Караханидах.

⁵ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека.— Из истории эпохи Улугбека. [Таш., 1965], с. 274 и сл.

⁶ Е. А. Давидович. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. (К постановке проблемы). — «Народы Азии и Африки». 1965, № 6, с. 83 и сл.

⁷ Е. А. Давидович. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв.— Нумизматика и эпиграфика. II. М., 1960, с. 107.

⁸ К. Маркс. К критике политической экономии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13, с. 97.

⁹ Е. А. Давидович. Канибадамский клад караханидских монет. (К характеристике обращения медных посеребренных дирхемов в конце XII — начале XIII в.)— «Советская археология». 1961, № 1, с. 195—200.

¹⁰ Е. А. Давидович. О двух караханидских каганатах. — «Народы Азии и Африки». 1968, № 1, с. 76.

¹¹ Ежегодный с 559/1163-64 г. чекан в Узденде Ибрахима б. Хусайна, очевидно, перенасытил рынки Ферганы и прилегающих районов медными посеребренными дирхемами, так что в 570/1174-75 г. он произвел перемену с запретом и обменом старых (тип 559—568 гг. х.) на новые (тип 570—574 гг. х.). В 574/1178-79 г., после ухода Ибрахима б. Хусайна в Самарканд,

аналогичную перемену произвел его преемник. А при его сыне, Кадыре б. Хусайне, эти перемены привели уже к серьезному кризису (см.: Е. А. Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии. Ч. I (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды).— Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душ., 1971, с. 175—181; она же. Канибадамский клад караханидских монет..., с. 186—200).

¹² Абу-р Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Пер. А. М. Беленицкого. [Л.], 1963, с. 229.